

Глава 5

— Согласиться-то можно... но абсолютно невозможно, — Чи Юньян резко сменил тон и содрогнулся, потирая синяк на руке после болезненного щипка. — Милая, у твоего братика зрение ни к чёрту. Близорукость вместе с астигматизмом под восемь диоптрий. Дальше метра от себя вообще ничего не вижу — считай, полуслепой.

Девочка обиженно надулась и затеребила Юньяна за рукав:

— Ты ведь не обманываешь меня?

— Честное слово, — примирительно улыбнулся Чи Юньян и потрепал её по голове. — Играть в прятки для меня слишком опасно. Ты же не хочешь, чтобы твой братик расшиб себе лоб?

Насчёт близорукости Юньян не соврал. В средней школе он совершенно не берёг глаза: читал, уткнувшись носом в страницы. Вредная привычка укоренилась, и опомнился он лишь тогда, когда зрение упало до минус восьми. Очки он носил с линзами толщиной с донышко пивной бутылки. Забавно, но после смерти зрение у него чудесным образом восстановилось. Мир стал чётким и ясным, к чему Чи Юньян до сих пор никак не мог привыкнуть.

Малышка оказалась послушной и настаивать не стала.

— Меня зовут Сяо Чу, — представилась она. — Если освободишься, заходи ко мне в гости, поиграем?

Наученный горьким опытом, Чи Юньян благоразумно промолчал, лишь изобразил приступ кашля, плотно прикрыв рот ладонью.

— Чу-чу, иди сюда, — позвала идущая впереди старуха, махнув рукой. Сяо Чу, видимо, расценила кашель как знак согласия. Радостно припрыгивая, она помчалась догонять бабушку.

Небо всё ещё тонуло в предутренних сумерках. Старуха с керосиновой лампой в руках неторопливо вела троицу вглубь деревни.

Ян Шу протяжно зевнул и без зазрения совести спросил:

— Бабушка, а где бы нам приткнуться отдохнуть? Мы с парнями всю ночь на ногах, с ног валимся.

Старуха тихо, дребезжаще рассмеялась. В глухой темноте её старческий голос прозвучал зловеще:

— Отчего же нельзя? Как раз пустует один дом. Вам троим там места хватит.

Деревенские улочки петляли, уводя их всё глубже. Вскоре Чи Юньян окончательно потерял дорогу: серые покосившиеся дома тянулись бесконечной чередой, словно под копирку.

Минут через десять старуха наконец остановилась. Она приподняла лампу и обернулась:

— Пришли. Ступайте внутрь, отсыпайтесь. В полдень я зайду.

В слабом лунном свете Чи Юньян разглядел ветхий дом под тусклой серой черепицей. Участок окружал ржавый забор из колючей проволоки. Возле покосившейся двери громоздились вязанки дров, а рядом с ними темнели два огромных глиняных чана.

Сунув лампу в руки Юньяну, старуха взяла Сяо Чу за руку и побрела прочь. Напоследок девочка обернулась и едва слышно шепнула:

— Береги себя, братик.

— Идёмте. Глаза слипаются, сил нет, — Чи Юньян зябко шмыгнул носом. — Скоро рассвет, если сейчас не ляжем — пиши пропало.

Он с усилием потянул на себя тяжёлую деревянную дверь. Та натужно заскрипела, и на вошедших пахнуло густой застоявшейся пылью.

Ян Шу закашлялся и принялся шарить по стене в поисках выключателя, но шедший следом И Яньле без лишней суеты щёлкнул тумблером у самого входа.

Тусклый желтоватый свет озарил скудное убранство.

Изнутри жилище выглядело вполне сносно. В небольшой прихожей стоял обтянутый белой бязью диван и простой деревянный стол. Проход в левую комнату закрывала плотная занавеска — там обустроили спальню. Вместо кровати здесь высился просторный кирпичный кан, типичный для северных китайских деревень. Справа от прихожей находилась кухня.

Для ночлега условия были отличными. Пыльновато, конечно, но сил на уборку у Чи Юньяна всё равно не осталось.

Ян Шу похлопал ладонью по дивану и кивнул спутникам:

— Идите в спальню. Я тут прилягу, на диване.

— Договорились. Только пуховик не снимай, из углов знатно сквозит, — отозвался Юньян, у которого от усталости уже слезились глаза.

— Спокойной ночи.

И Яньле вошёл следом за Юньяном. Задержавшись у окна, он хмуро окинул взглядом стоявшие во дворе глиняные чаны и резким движением задёрнул штору.

Скинув куртку и закатав рукава, Чи Юньян растопил печь, соединённую с каном. Едва кирпичи потеплели, он сбросил ботинки и блаженно растянулся на прогретой лежанке. Он довольно и сонно улыбнулся.

— Яньле, ложись... ко мне в постель.

Осознав, насколько двусмысленно прозвучала фраза, он густо покраснел и поспешно исправился:

— То есть на кан! Забирайся на кан, места полно.

Лежанка действительно оказалась огромной — на ней свободно уместились бы и четверо. Стелить местное одеяло Юньян не решился из-за всё той же пыли, поэтому просто укрылся пуховиком. Уставившись в темнеющий потолок, он тихо заговорил:

— Слухи про деревню Сяохэй — чистая правда. Сяо Чу ведь меня загипнотизировала на дороге.

И Яньле повернулся набок, изучая профиль напарника; его янтарные глаза тускло поблёскивали в полумраке.

— Но ты ведь не согласился на её условия?

— Бог миловал, но я был на волоске. Жуткое чувство, будто воля тебе больше не принадлежит. Здравым смыслом такое не объяснить. — Чи Юньян тяжело вздохнул. — Честно, я без понятия, как разгадать тайну этой чертовой деревни. Задания в Академии посмертных экзаменов — просто за гранью реальности.

— Ты справишься.

— А?

Юньян повернул голову и встретился взглядом с И Яньле. Глаза того светились неестественным, почти пугающим янтарным блеском.

Почувствовав неловкость, Чи Юньян отвернулся и поплотнее закутался в куртку.

— Ладно, утро вечера мудренее. Спим. Спокойной ночи.

Не прошло и пяти минут, как он провалился в глубокий сон без сновидений.

Убедившись, что парень крепко спит, И Яньле бесшумно поднялся и, приподняв занавеску, заглянул в прихожую, где устроился Ян Шу.

Во сне Чи Юньяна зазнобило. Нагретый кан под ним стремительно остывал, превращаясь в ледяную плиту. До слуха донёлся странный, едва различимый шорох.

Дзынь!

Звон разбитой посуды заставил Юньяна вздрогнуть и распахнуть глаза. Он резко сел, тяжело дыша. И Яньле спал рядом как ни в чём не бывало. Юньян коснулся кирпичей лежанки — те всё ещё дышали приятным теплом.

«Показалось?» — пронеслось в голове. Накинув пуховик, он осторожно спустился на пол. Звук шёл со двора.

Тонкая белая занавеска колыхалась от сквозняка. Внезапно за ней мелькнул неясный тёмный силуэт.

У Юньяна похолодело внутри. Затаив дыхание, он шагнул вперёд и резко отдернул штору.

Прямо за стеклом, прижавшись лицом к окну, торчала взъерошенная женская фигура. Лицо мертвенно-бледное, губы — цвета свежей крови. Один глаз казался обычным, зато второй — раздутый, чудовищных размеров — едва удерживался в глазнице. Абсолютно чёрный, лоснящийся шар без зрачка...

Из здорового глаза медленно потекла струйка крови. Женщина провела по щеке иссохшим пальцем и вдруг оскалилась в безумной, неестественно широкой улыбке.

Сквозь развернутую пасть Юньян с ужасом разглядел, что на её окровавленном языке копошится вырванное глазное яблоко. В ту же секунду её уцелевший глаз бешено завращался, закатываясь под веко.

Запрокинув голову назад с глухим хрустом позвонков, тварь резко подалась вперёд и с размаху

прижалась лицом к оконному стеклу. Её выпученные бельма застыли вплотную к стеклу. С чавканьем проглотив глазное яблоко, она обнажила окровавленные клыки.

Отпрянув назад, Чи Юньян споткнулся о порог и едва не полетел на пол.

— Твою ж мать!

От его крика И Яньле мгновенно проснулся. Он недовольно поморщился и перевёл взгляд на беснующуюся за окном нечисть. Его голос так и сквозил раздражением:

— Из-за тебя спать невозможно.

— Ты издеваешься?! Какое спать?! — взвизгнул Чи Юньян, судорожно натягивая ботинки. — Убираться надо!

Но И Яньле лишь перехватил его за запястье:

— Куда ты собрался?

— Да подальше отсюда, пока нас живьём не сожрали!

Чи Юньян отличался крепкими нервами, иначе от такого тесного знакомства с потусторонней гостьей давно бы лишился чувств.

И Яньле смерил тварь пренебрежительным взглядом и презрительно хмыкнул. Он не торопясь спустился с лежанки, вооружился каминными щипцами и выудил из печи раскалённый докрасна уголь. Секунда — и огненный снаряд полетел прямо в лицо беснующемуся призраку.

Стекло разлетелось со звоном. Брызнувшие во все стороны осколки вонзились прямо в чёрные бельма твари.

Издав истошный визг, женщина заскребла когтями по раме, пытаясь протиснуться в пролом. Но между улицей и комнатой словно выросла невидимая преграда — как бы призрак ни бился, прорваться внутрь он не мог.

Безуспешно промучившись несколько минут, тварь злобно зашипела и растаяла в воздухе серой дымкой.

Напряжение спало. Чи Юньян обессиленно опустился на край лежанки, пытаясь унять бешеный стук сердца.

— Ей-богу, думал, кончусь прямо здесь, — пробормотал он, во все глаза глядя на усыпавшие пол осколки. — Что это за чертовщина была? Ещё и глаза жрёт... Какая мерзость.

И Яньле, которого лишили заслуженного сна, ответил глухо и хрипло:

— Очередная тварь, которую пригрели местные.

Тут Юньяна осенило. Он подскочил на месте и бросился в прихожую проверить, как там Ян Шу.

Он рванул занавеску в сторону. Диван пустовал. Пуховик парня валялся на полу, а некогда белая обивка дивана теперь была сплошь залита багровой, сочащейся жижей.

Чи Юньян осторожно прикоснулся к ткани. Пальцы мгновенно покрылись чем-то густым и липким. Он поднёс руку к лицу. В нос ударил резкий металлический запах крови, смешанный со сладковатым, приторным ароматом ритуальных благовоний.

Подошедший сзади И Яньле безучастно скользнул взглядом по багровому пятну. Исчезновение спутника его ничуть не удивило.

— Куда он делся? Человек же не может испариться бесследно, должен был хоть какой-то шорох подняться. А я ничего не слышал! — Чи Юньян взволнованно вытирал пальцы о штаны. Слова так и сыпались из него. — И ещё... мы проспали часа четыре, не меньше. Почему за окном по-прежнему кромешная тьма?

Выудив из кармана серебряные часы, он недоумённо уставился на циферблат. Стрелки застыли на отметке [11:30].

Сперва он подумал, что механизм приказал долго жить, но секундная стрелка исправно отсчитывала мгновения.

— Неужели сейчас половина двенадцатого ночи? — растерянно пробормотал он. — Но если мы дрыхли целые сутки, почему есть совсем не хочется?

— Ошибаешься. Сейчас половина двенадцатого дня.

Ровный, холодный голос И Яньле эхом отразился от стен.

Юньян ошеломлённо застыл, а затем бросился к окну. За стеклом царила непроглядная ночь. Тяжёлые гроззовые тучи намертво задушили бледный лунный свет.

Вдруг в тишине раздался резкий, требовательный стук в дверь. Чи Юньян вздрогнул. С той стороны донёлся знакомый скрипучий голос старухи:

— Пора обедать.

Сердце Юньяна ухнуло куда-то вниз. Значит, на дворе действительно день...

Сглотнув вязкую слюну, он на цыпочках подошёл к двери и приоткрыл её на ширину ладони. В образовавшуюся щёлочь заглянула старуха. Она лихорадочно высматривала что-то внутри помещения, и её мутный зрачок то и дело дёргался.

— Ишь какие торопливые...

— Что вы сказали? — переспросил Чи Юньян, расслышав лишь невнятное бормотание.

И Яньле легонько подтолкнул его в спину, заставляя уступить дорогу.

— Пойдём. Обед ждёт.

Оказавшись во дворе, Юньян первым же делом скользнул к окну спальни. Но тут его ждал новый сюрприз: стекло, которое И Яньле разбил вдребезги всего несколько минут назад, было абсолютно целым. Ни единой трещины.

Юньян протянул руку, чтобы коснуться рамы, как вдруг носок его ботинка наткнулся на что-то твёрдое. Он нагнулся. В грязи лежал обгоревший кусок угля. Тот самый, которым швырнул И Яньле.

Перед глазами Чи Юньяна вновь возникли искажённые черты кошмарной гостьи, и в голове его медленно сложился пазл. Лицо призрака... если хорошенько вспомнить... было до безумия похоже на Ван Мэймэй.